
РЕЦЕНЗИИ

**Т.В. ЛАРИНА. КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ
И СТИЛЬ КОММУНИКАЦИИ:
СОПОСТАВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ**

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР, 2009. 512 с.

Сопоставительные лингвокультурные исследования неизменно привлекают к себе внимание филологов. Обычно в таких работах рассматривается тот или иной фрагмент концептуализируемой действительности и устанавливается его специфика, свойственная сопоставляемым лингвокультурам. Рецензируемая книга представляет собой существенный шаг вперед в развитии лингвокультурологии. Автору удалось обосновать новое междисциплинарное направление – лингвокультурную этностилистику и раскрыть его возможности при моделировании категории вежливости в английском и русском коммуникативном поведении. Монографию открывает предисловие, написанное Анной Вежбицкой, которая отмечает, что в этой книге прекрасно продемонстрированы различия между русскими и английскими нормами, ожиданиями и “культурными скриптами”.

Книга состоит из введения, четырех глав, посвященных соответственно культуре как стилеобразующему фактору, вежливости как регулятору коммуникативного поведения, вежливости дистанцирования, вежливости сближения, заключения под названием “Английский и русский стили коммуникации”, и включает приложения, в которых приводятся анкеты и результаты эмпирического исследования вежливости; весьма информативный список литературы.

Тезис о том, что коммуникативное поведение имеет национально-специфические особенности, воспринимается как аксиома. Но, во-первых, следует подчеркнуть, что особенности проявляются только при условии основания для сравнения, т.е. существует сходство в восприятии, фиксации и оценке действительности между представителями разных лингвокультур. Причем такое сходство обусловлено биосоциальной сущностью человека, и потому абсолютизация различий коммуникативного поведения теоретически и практически несостоятельна. Во-вторых, как справедливо отмечает автор, эти различия сводятся не только к средствам коммуникации, но и к механизму их выбора, предпочтительности и частотности их

употребления в тех или иных ситуациях общения (с. 20). Закрепленный традицией механизм выбора тех или иных стратегий и средств коммуникации проявляется как коммуникативный этностиль. Такой стиль формируется под влиянием экстралингвистических факторов. При сопоставительном изучении коммуникативного поведения исследователю приходится сталкиваться с серьезными препятствиями: это стереотипы в массовом (к сожалению, иногда и в научном) сознании, на основании которых делаются выводы о национальном характере, с одной стороны, и представление частного в качестве общего (например, нормы поведения образованных людей рассматриваются в качестве коммуникативных ценностей всех членов общества), с другой стороны. В книге Т.В. Лариной читатель находит множество свидетельств, показывающих несостоятельность стереотипов о “вежливых англичанах и невежливых русских”. Что же касается объективности в типизации носителей лингвокультуры, то исследователь сразу же предупреждает упреки возможных критиков, говоря о коммуникативных доминантах и о лингвокультурной традиции коммуникативного поведения в Англии и России. Не вызывает возражений ключевая идея книги: “Национальный стиль коммуникации – это такая же объективная данность, как и национальный язык” (с. 24).

Заслуживает внимания предложенный в монографии перечень параметров национального коммуникативного стиля: социокультурные (дистантность либо контактность; ориентированность на статус либо на личность; симметричность либо асимметричность отношений и др.), аксиологические (приоритетные ценности культуры, влияющие на процесс коммуникации: личная автономия либо интимность; уважение к статусу либо равенство; искренность либо сохранение лица; молодость либо старость и др.), социолингвистические (субъектно-объектная ориентированность коммуникантов; степень допустимости прямого коммуникативного воздействия; promo-

линейность либо косвенность; степень формальности в общении и др.), психолингвистические (эмоциональная сдержанность либо открытость; направленность и функциональная значимость эмоций; степень речевой экспрессивности), лингвистические (наличие, выбор и предпочтение тех или иных языковых средств, особенности синтаксической организации высказывания, количество реплик, употребляемых в различных ситуациях общения, лаконичность либо многословность и др.), паравербальные (темп речи, громкость, тональность, допустимость и длина пауз, допустимость и роль молчания и т.п.), невербальные (проксемика, кинесика и тактильные знаки) (с. 34–35). Автор признает, что список параметров не является окончательным (на мой взгляд, в этом списке не хватает жанровых характеристик общения), но нельзя не согласиться с тем, что только комплексное описание национального стиля коммуникации может дать о нем полное представление.

Анализируя критерии классификации культур, разработанные различными авторами, Т.В. Ларина обращает особое внимание на социокультурное измерение организации общества, т.е. на дистанцию и власть как факторы, определяющие социальные взаимоотношения между собеседниками. Учет горизонтальной дистанции позволяет выделить контактные и дистантные культуры, учет вертикальной дистанции дает возможность установить соблюдение социальной иерархии в общении. В этом плане английский коммуникативный стиль предлагается считать личностно-ориентированным, а японский – статусно-ориентированным. Соблюдение дистанции проявляется не только в поддержании физического расстояния между участниками общения, но и в установлении и сохранении символического расстояния между ними. Это находит выражение в многочисленных коммуникативных табу (например, на непрошенный совет), в ограничениях на употребление императива, в косвенном побуждении и других чертах английского коммуникативного поведения.

Интересны рассуждения и наблюдения автора, касающиеся ключевых концептов английской лингвокультуры, в частности концепта *privacy*. Для англичан принципиально значима, как пишет автор, “зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен. Это касается всего – личной территории человека, жилья, окружающего его пространства, его собственности, личной жизни, планов, интересов, чувств, желаний и т.д.” (с. 73). Безусловно права А. Вежлицкая, говоря, что в современном употребле-

нии *privacy* является идеологическим термином [1]. К ключевым коммуникативным ценностям английского языкового сознания Т.В. Ларина относит “равенство”, “позитивное мышление” и “эмоциональную сдержанность”. Разумеется, этот список может быть дополнен такими концептами, как “здоровый смысл”, “свобода”, “игра по правилам” (*fair play*), “чувство собственного достоинства” (*dignity*) и др. В книге обсуждаются коммуникативные ценности русской культуры – “соборность”, “общительность”, “искренность”, “духовность” и др. Специфика английского и русского коммуникативного поведения ярко проявляется в невербальном общении – в избегании или допустимости возможного физического контакта или прямого взгляда на собеседника, в различных функциях улыбки.

Важную роль в межкультурной коммуникации играет правильное понимание эмоций собеседника. В книге детально описываются ситуации, раскрывающие особенности проявления английской эмоциональной сдержанности. Показательно описание встречи отца с сыном-калекой, вернувшимся с фронта: короткое рукопожатие, короткое взаимное приветствие – и всё. Кто знает, сколько слез потом пролил старик наедине. Но при людях это был стоицизм, достойный удивления и уважения. В английском языке слова, обозначающие открытое проявление эмоций (*emotional* – эмоциональный, *effusive* – экспансивный, *demonstrative* – несдержанный, *excitable* – легко возбудимый) имеют отрицательные коннотации. В русской лингвокультуре принято искренне проявлять свои чувства, и это не удивительно, поскольку сокращенная – по сравнению с английской – дистанция в традиционном русском коммуникативном поведении способствует быстрому разоблачению неискренности. Чем короче такая дистанция, тем более значим интуитивный контакт с собеседником, и нужно быть незаурядным актёром, чтобы в такой ситуации долго имитировать искренность. Интересны аргументы автора, объясняющего специфику понимания английской и русской улыбки (английская улыбка для всех и русская улыбка для своих). Т.В. Ларина терминологически противопоставляет эмоциональность и эмотивность как естественное, спонтанное проявление эмоций и их сознательную запланированную демонстрацию (с. 119). Нельзя не согласиться с автором в том, что русская эмоциональность сфокусирована на самом субъекте, а английская эмотивность – на адресате. Кстати, заметим, что такая же специфика сфокусированности на себе либо на адресате прослеживается в концепте “любовь” в русском и английском языках: русская любовь неразрывно

связана с влюбленностью, английская – с заботой. Следовательно, рационализация как принцип общения ставит адресата на первый план, а субъекта – на второй. Очень важен сделанный в книге вывод о том, что “традиционная английская сдержанность касается эмоциональной коммуникации, но не эмотивной” (с. 121).

В монографии детально раскрывается содержание коммуникативной категории “вежливость”. В массовом сознании англичан, по данным анонимного анкетирования, вежливость объясняется как внимание, уважение к другим людям, частое употребление слов *please* и *thank you*, хорошие манеры. Русские информанты также определили вежливость как уважение и внимание к людям, но при этом говорили о культуре, заботе о ближнем, тактичности и т.д. (с. 132). Для англичан важна демонстрация внимания к другому человеку, для русских – действенная доброта. Анализ ответов информантов показывает, что английская вежливость в равной степени направлена на всех, русская вежливость – в большей степени на своих и на тех, кто старше. В русской лингвокультуре демонстративная вежливость оценивается отрицательно, поскольку считается неискренней.

Представляет интерес предложенная в книге схема типов поведения на основе дистанции между коммуникантами: общение с “чужими” (с незнакомыми), “своими-далёкими” (формальные отношения) и “своими-близкими” (интимные отношения). Автор доказывает, что наиболее вежливое поведение в русской лингвокультуре проявляется по отношению к “своим-далёким” (например, коллегам). По отношению к “чужим” и “своим-близким” может быть допущена невежливость и даже грубость (с. 148). Причиной такого распределения внимания к разным типам коммуникативных партнеров автор называет полярность русского характера, избегающего середины.

В книге приводится подробный анализ различных теорий вежливости, разработанных в социолингвистике и прагмалингвистике. В качестве базовой теории рассматривается концепция Пенелопы Браун и Стивена Левинсона [2], которые противопоставляют позитивную и негативную вежливость (первая основана на сближении, вторая – на дистанцировании). Автор называет сближение и дистанцирование гиперстратегиями вежливости, каждая из которых включает более частные стратегии. Помимо вежливости дистанцирования и сближения в монографии выделяются стилевые уровни (регистры) вежливости – высокий, средний и низкий и соответствующие им

формальная, нейтральная и неформальная вежливость (с. 162). Поскольку вежливость всегда осмысливается в рамках определенной конкретной ситуации общения, то невозможно, как отмечает автор, оценить то или иное высказывание вне контекста как вежливое или невежливое. Самая этикетная фраза может в определенной ситуации звучать как оскорбление. В книге формулируется следующее определение вежливости: это “универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера” (с. 169).

Детально анализируя коммуникативные стратегии дистанцирования и сближения, Т.В. Ларина обращает особое внимание на национально-культурные особенности английского и русского коммуникативного поведения в побудительных и экспрессивных речевых актах. В книге приводится множество примеров, иллюстрирующих конвенциональные смыслы модальных глаголов, модальных модификаторов, сослагательного наклонения, вопросительных конструкций, пассивного залога, темпоральных замещений в английском языке. Для английской лингвокультурной традиции, как показывает автор, характерно не прямое выражение коммуникативной интенции, для русской – прямое: *Do you think I could have the bill? – Принесите, пожалуйста, счет* (букв. *Как вы думаете, мог ли бы я получить счет?*).

Национально-культурная специфика побудительности в английском и русском коммуникативном поведении рассматривается в монографии на материале речевых актов “Просьба”, “Приглашение”, “Совет”. Автор дает развернутые рекомендации носителям русского языка для оптимизации общения в ситуации “Просьба”. Например: «Помните, что английское *please* не обладает такими “волшебными” качествами, как русское *пожалуйста*, и его недостаточно для смягчения побуждения» (с. 237). Английские приглашения часто делаются в виде вопроса или предложения. В русском контексте используются императивные высказывания: *Why don't you take a seat? – Садитесь*. Англичане стремятся предоставить адресату свободу выбора: *I'd enjoy going out for coffee, but I imagine you are very busy. – Я бы с радостью пошел выпить кофе, но думаю, что Вы очень заняты*. Русские предложения звучат гораздо настойчивее: *Хватит работать. Пойдем выпьем по чашечке кофе*.

Речевой акт “Совет” относится к числу коммуникативных действий, которые могут расценивать-

ся как покусение на независимость собеседника. Особенно опасен так называемый “непрощенный совет”, который в русской лингвокультуре часто является проявлением заботы о ближнем, а в английской и американской воспринимается как косвенная критика. Т.В. Ларина цитирует американских исследователей, которые предостерегают носителей русского языка говорить проходим о каких-то погрешностях в их внешнем виде или одежде. Здесь я вынужден не согласиться с автором, опираясь на мнение весьма авторитетного специалиста. В течение нескольких лет в газете “The Times” была популярная колонка “The A-Z of Manners”, автор которой, известный журналист Джон Морган, давал рекомендации относительно этикетного поведения в различных щекотливых ситуациях. Люди спрашивали, например, как должны быть одеты родители, когда сын приводит в дом девушку, чтобы познакомить ее с ними, или как можно избежать рукопожатий в церкви. Был и такой вопрос: *Q: When is it acceptable to tell someone there is something about their appearance that they would find embarrassing, such as having spinach on their teeth or their flies open? O- G.W., Cirencester. A: Always.* – *Вопрос: Когда можно говорить кому-либо, что у него что-то не в порядке во внешнем виде, и это может его смутить, например, когда шпинат в зубах застрял или брюки растянуты? – Ответ: Всегда.* Разумеется, в таких ситуациях мнение весьма авторитетного специалиста в области этикета может разойтись с мнением других людей.

Английские прямые директивы (приказы, указания, инструкции) часто выражаются в форме просьбы: Например, ситуация паспортного контроля: *Could I see your passport? – Мож бы я увидеть Ваш паспорт?* Ср. более категоричное, но привычное для русских (напр., в ситуации паспортного контроля): *Паспорт, пожалуйста.*

Т.В. Ларина уделяет особое внимание рассмотрению императива в английском и русском коммуникативном поведении. Англичане стремятся использовать парафразы отрицательных императивных конструкций (*Don't hurry – Take your time*). Императив воспринимается как открытое нарушение права личной автономии и в этом плане, по мнению А. Вежбицкой, более оскорбителен, чем сквернословие [3].

Очень интересен раздел о табу в английской коммуникативной культуре. В Англии не принято делать людям замечания личного характера. Если во время спектакля кто-то шумно ведет себя в зале, на него могут лишь укоризненно посмотреть. При этом Т.В. Ларина отмечает, что пожи-

лые англичане стараются не делать замечаний в адрес молодежи: молодежь не извиняется в ответ на замечания, а реагирует, как правило, агрессивно. В английской лингвокультуре отсутствуют критические замечания учителя в адрес учеников. С родителями учителя встречаются только индивидуально и не скупаются на хвалебные слова в адрес их детей. Англичане весьма сдержанны и доброжелательны во время академической дискуссии. Здесь я должен внести поправку: рецензии в англоязычных научных журналах порой бывают весьма едкими.

Анализируя вежливость сближения, автор делает очень важное замечание: существует мнение о том, что стратегии дистанцирования свойственны культурам индивидуалистского типа, а стратегии сближения – культурам коллективистского типа. По результатам проведенного исследования для английской лингвокультуры, которая является индивидуалистской, характерны оба типа стратегий. Этот вывод вносит существенное дополнение в наше понимание позитивной вежливости. Т.В. Ларина убедительно доказывает, что стратегия сближения проявляется как целенаправленная демонстрация положительных эмоций в стратегических целях. Англичане, например, часто используют экспрессивные эмоционально-оценочные единицы типа *great, excellent, perfect*, и это характерно не только для разговорной, но для официально-деловой речи. В монографии подробно анализируются экспрессивные речевые акты “Приветствие”, “Прощание”, “Приглашение”, “Благодарность”, “Извинение”, “Оценка и комплимент”. Заслуживают внимания такие особенности английского приветствия, как, например, привычка часто здороваться (как со знакомыми, так и с незнакомыми), демократичность, семантическая опустошенность и маркированная экспрессивность формул приветствия, оптимистичный ответ на приветствие (с. 329). Весьма информативен раздел, посвященный формулам обращения. Англичане часто используют нулевое обращение (в качестве формулы привлечения внимания употребляется семантически выветренное извинение *excuse me*, впрочем, как и русские (ср. *простите*). В английском языке не используются коллективные вокативы типа *Граждане пассажиры / уважаемые родители / дорогие телезрители / избиратели* и др. Единственная приемлемая форма коллективного обращения – *Ladies and gentlemen*.

Особый раздел книги посвящен прагматике английского сквернословия. Известно, что сфера употребления английской ненормативной лексики значительно шире, чем соответствующая сфе-

ра русских вульгаризмов. Автор утверждает, что в английской и ирландской лингвокультурах вульгаризмы практически утратили свою семантику и превратились в элементы фатической коммуникации. Соглашаясь с этим замечанием, считаю нужным подчеркнуть, что и в современном русском языке в его молодежном варианте (особенно в сети Интернет) наблюдаются аналогичные процессы, хотя у многих наших современников эта тенденция вызывает протест.

Интересен приведенный в монографии сопоставительный анализ поведения англичан и русских в отдельных коммуникативных ситуациях – “Ответ на приглашение”, “Вы уходите из гостей”, “Ответ на обещание помочь”, “Благодарность за помощь”.

Анализируя англо-русские соответствия в оценочных репликах, Т.В. Ларина рекомендует подбирать заниженные по экспрессивности выражения в русском языке, например: *I'll be delighted to see you* – Я буду очень рада тебя увидеть (букв. Я буду в восторге).

Общий вывод монографии Т.В. Лариной сводится к тому, что национальный стиль коммуникации отражает коммуникативное сознание народа, его культурные ценности и традиции и представляет собой целостную систему. В этой

системе есть культурные доминанты, к числу которых относятся дистантность либо контактность и демонстративная приветливость либо искренность. Коммуникативная этностилистика – новая, перспективная область антропологической лингвистики. Одним из возможных направлений развития рецензируемого исследования могло бы стать моделирование вежливости в коммуникативном поведении различных социальных групп общества.

Книга Т.В. Лариной вносит существенный вклад в развитие лингвокультурологии и вне всякого сомнения заслуживает тщательного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wierzbicka A.* A Conceptual Basis for Intercultural Pragmatics and World-Wide Understanding. Paper presented at The 31st International LAUD Symposium. Landau, Germany, 2006.
2. *Brown P., Levinson S.D.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
3. *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

В.И. Карасик